

Моим любимым маме, папе, бабушкам

Все события и персонажи придуманы автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

Обычно у посетителей, переступавших порог стандартной панельной «двушки», вытягивались лица. Недоуменно смотрели они на пол с зеленым, советских времен, линолеумом, на самодельные антресоли, вешалку с ядовитокрасными пластмассовыми крючками. В гостиной их тоже ждал совсем не тот благородный антиквариат, к которому они привыкли. Старая чешская секция, отечественный доперестроечный мебельный гарнитур, хлипкий журнальный столик с потрескавшейся лаковой крышкой. Впрочем, чего еще требовать от интерьерера съемной квартиры на окраине Москвы? Гости, присаживаясь в вытертые жесткие кресла, брезгливо морщились. Но потом все понимали правильно, даже без объяснений. Здесь обсуждаются весьма специфические вопросы. И чем меньше внимания привлекает человек, который ими занимается, тем лучше.

Однако в тот день удивляться пришлось самому хозяину квартиры.

— Борис Иванович Дремин? Меня просили вам передать это.

Рыжеволосая девчонка сунула ему в руки тяжелый пакет, и, смачно чавкая жевательной резинкой, прислонилась к стене.

Ее лицо, щедро расписанное косметикой, едва прикрывающая филейную часть мини-юбка и обнаженный живот с затейливым колечком в пупке вызвали у Бориса Ивановича лишь одну мысль. Эта вульгарная особа что-то перепутала, ошиблась адресом, видимо, нашла не того Дремина, который ей требуется.

— Я тута ждать ответа буду, — прочавкала девчонка. — Вам предложить чего-то хотят по антикиллеру... Или не по антикиллеру? Ну по чему-то «анти», короче.

Борис Иванович схватил малолетку за руку, засунул пакет в висевшую на ее плече оранжевую сумку и распахнул дверь.

— Вы ошиблись. Всего хорошего.

— Ничего я не ошиблась, — вытаскивая сверток, возмутилась она. — А, вспомнила. По антиквариату вам хотят кой-чего предложить. Во, антиквариат. Прикольно так!

— Уходите. И передайте тому, кто вас прислал, что я не веду переговоров с посредниками!

Раздражение Дремина становилось все сильнее. Уже не важен процент и условия предстоящей сделки. И так ясно, клиент, нанявший такого представителя, — полный кретин. С такими дел лучше не иметь. Любая прибыль не компенсирует свободы. А за решеткой оказаться в случае малейшей осечки проще простого.

Девчонка, явно выискивая, где бы сесть, недовольно хмыкнула. Покосилась, наморщив нос, на серую пыльную половую тряпку у двери. И присела на

корточки, нимало не смущаясь и вовсе исчезнувшей юбки.

— А вот никуда я отсюда не пойду. Мне сказано ответа ждать, я и буду ждать. Хотите, прогоняйте, хотите, милицию вызывайте. Мне все равно, — выпалила она. И надула из жевательной резинки пузырь. — Не пойду отсюда, вот и все дела.

В милицию не позвонишь, не хватало еще самого себя подставлять. Можно вытащить эту дуру из квартиры, но вдруг она завизжит? А потом орать под дверью станет? Тогда соседи обратят внимание, вопросы начнут задавать. Это лишнее. Ладно, придется посмотреть, что там притащила настырная малолетка. И отказаться, разумеется, от этого предложения.

— Хорошо, девушка, хотите ответ — будет вам ответ, — пробормотал Борис Иванович и, захватив пакет, прошел на кухню. Просмотреть по диагонали, в чем суть вопроса. И, делая вид, что размышляет над предложением, чайку попить. Обдумывать нечего, разумеется, все решено. С дураками работать — еще чего не хватало!

Конечно же, в документах речь шла об участии в аукционе на стороне продавца через использование дилерской схемы.

«Других клиентов у меня не бывает, — подумал Борис Иванович, пробегая глазами письмо. — Только так можно миновать обязательные экспертизы со стороны аукционного дома. Настоящие коллекционеры никогда не купят лот, выставяемый дилером. Но в ходе торгов такие нюансы не афишируются, неопытных любителей старины хватает. Если даже они со временем выясняют, что приобретенный антиквариат не такой уж антикварный, претензии по качеству предъявлять полагается не устроителю аукциона, а дилеру. А его — то есть меня — уже и след простыл.

Клиенту хорошо — впарил подделку за большие деньги. Мне замечательно — половина прибыли моя. И даже покупателю, если разобраться, в каком-то смысле неплохо. Негативный опыт тоже опыт».

— «Для реализации на аукционе предлагается изделие от Фаберже», — прочитал Дремин. И понимающе усмехнулся.

Опять Фаберже. Ну-ну, интересно, какой на сей раз.

Европейский? Первые качественные подделки начали создавать в Европе с середины 50-х годов, когда уровень развития фотографии позволил изготовить клейма, напоминающие клейма Фаберже.

Или американский? Американцы дотошны, их работа очень хороша. Губит лишь обилие императорских монограмм да двуглавых орлов. На настоящих изделиях Фаберже они редко когда встречались. Но американцам, тискающим свой флаг и статую Свободы везде, где нужно и не нужно, этого не понять.

А может, глупый клиент обладает почти «фабержевским» Фаберже? На изделия московских артелей тех лет, никогда не работавших с Фаберже, умельцы ставят фирменное клеймо. И при проведении экспертизы у таких предметов больше всего шансов быть проданными за хорошую цену. По качеству, технике, материалам и технологии никаких вопросов, вещь старинная. А авторство... Какой-то процент сомнений все равно остается относительно большинства вещей Фаберже. Полный архив не сохранился, мастеров на фирме работало много, кто что выпускал, точно проследить невозможно. К тому же фирма быстро стала популярной. В мемуарах есть сведения, что уже тогда в мастерские обращались с просьбой поставить клеймо на изготовленные другими ювелирами вещи.

Несложно догадаться, что не все такие предложения отклонялись...

Борис Иванович достал из конверта фотографии. И озадаченно почесал затылок.

Не портсигар, не ваза, не часы.

Яйцо! И какое!

Сквозь горный хрусталь видна театральная сцена. Красиво. Эффектно. Элегантно...

А вот еще один снимок — занавес поднят, на сцене изящная фигурка балерины.

Великолепная имитация, вплоть до «сюрприза»!

— Хм... по фото, конечно, ничего не скажешь, — прошептал Дремин, пристально вглядываясь в снимок. — Но если эта подделка хорошего качества, то продавать ее надо не в Москве, а в Европе. И стоять она может не намного дешевле императорских яиц, Фаберже всегда в моде и постоянно дорожает. И даже если экспертизы не дадут стопроцентной гарантии подлинности, то все равно найдутся ненормальные коллекционеры или пижоны, которые купят «возможно, Фаберже». Речь идет о миллионах долларов!

Схема, которую сразу же придумал Борис Иванович, оказалась очень простой.

Клиент, нанявший вульгарную малолетку, — дурак. Надо увидеть вещь своими глазами и, если ее качество устроит, просто украсть подделку и скрыться. Скрываться не привыкать, так что если клиент даже обратится в милицию, то поиски успехом не увенчаются. Но он, скорее всего, жаловаться не станет, у самого рыльце в пушку. А выгодно продать яйцо в Европе напрямую в частную коллекцию, не афишируя сделку, достаточно просто.

Он уже собирался отправиться к девчонке и сообщить, что готов работать с клиентом. Но потом решил

все же просмотреть другие бумаги. Их оставалось в пакете еще необычайно много.

Через полчаса у Бориса Ивановича не было сил даже подняться на ноги. Заколовшее сердце требовало валокордина, но дойти до холодильника казалось слишком сложной задачей.

Клиент, приславший малолетку, знал все. О недвижимости в Англии и Франции, о том, где учится сын, где живут жена и любовница. Сделки. Номера счетов. Все...

С учетом всей этой информации выход вырисовывался только один. Получить гарантии безопасности и сделать то, что требуется.

Глава 1

Дрезден, 1861 год, Карл Фаберже

uele, Muele, wo bist du, boeser Hund?! — разда-лось из-за высокого, ак-куратно подстриженного кустарника. Женский голос становился все громче: — Muele! Her zu mir!¹

Карл подхватил на руки белого щенка с черной кляксой на морде и быстро зашагал к изгороди. Жаль, что этот чудный пес, похоже, принадлежит соседям. А он-то уже успел помечтать, как оставит собаку себе и светлый пушистый комок будет вихрем носиться по лужайке у дома папеньки.

— Muele!

Следующая фраза была произнесена слишком быстро. И пока Карл пытался мысленно разделить поток грубой немецкой речи на отдельные слова, из зеленой стены кустарника показались тонкие пальцы.

«Кусты вместо забора, — удивился он, выдергивая рукав сюртука из пасти собаки. — В Дрездене все по-другому, не так, как...»

¹ Мюле! Мюле! Где ты, вредная собака? Мюле! Ко мне!
(нем.)

Мысль оборвалась, ослепленная сверкающей медью.

— Muele! — обрадованно воскликнула возникшая среди зарослей рыжеволосая девушка. — Muele, da bist du!¹

Она говорила что-то еще. Но Карл, невольно любуясь рыжими локонами и нежным, усыпанным веснушками личиком, понял только «спасибо».

— Guten Tag! Sprechen Sie bitte langsamer. Ich verstehe deutsch nicht besonders gut², — старательно выговорил Карл, возвращая залившегося радостным лаем щенка хозяйке.

— Je m'appelle Martha. Vous êtes français?³ — спросила девушка и махнула рукой влево, где кусты, разделяющие участки, были менее густыми и высокими.

Карл сделал пару шагов и радостно улыбнулся. Как хорошо, что фрейлейн Марта говорит по-французски! Она такая милая, с ней хочется поболтать. Здесь ведь ему и словом перекинуться не с кем! Немецкий ужасен. А папенька непреклонен: дома не должно звучать ни единого словечка ни по-русски, ни по-французски. И вот все чаще приходится отмалчиваться, опасаясь запутаться в сложной немецкой грамматике. Но фрейлейн Марта знает французский! Можно обменяться парой фраз. К тому же соседка — прехорошенькая, куда лучше здешних барышень, кажущихся такими неизящными в сравнении с петербургскими красавицами.

— Non, je suis russe⁴.

¹ Мюле! Мюле, вот ты где! (*нем.*)

² Добрый день! Говорите, пожалуйста, медленнее. Я понимаю немецкий не очень хорошо (*нем.*)

³ Меня зовут Марта. Вы — француз? (*фр.*)

⁴ Нет, я русский (*фр.*)

Улыбка фрейлейн Марты мгновенно погасла, в янтарных глазах мелькнуло подозрение.

— Alors, vous n'êtes pas le maître de la maison, vous êtes juste un invité? Mon père me disait que notre voisin s'appelle monsieur Fabergé. Ce n'est pas un nom russe!¹

Карл пустился в объяснения. Конечно же, он не гость и вовсе не воришка, как, наверное, могла подумать милая фройляйн. А сын хозяина дома. Его фамилия, естественно, тоже Фаберже, но вся их семья считает себя русскими. Предки родом из Франции, но когда начались гонения на гугенотов, они вынуждены были бежать сначала в Берлин, потом в Пярун, а отец решил переехать в столицу России.

— Je suis né à Saint Petersburg. Mon père a une joaillerie, — увлеченно рассказывал Карл. И внезапно замолчал, заметив, что фрейлейн Марта недоуменно хлопает светлыми ресницами.

— Parlez lentement s'il vous plaît. Je n'ai pas eu l'occasion d'entendre le français depuis longtemps², — взмолилась девушка.

В ту же секунду они расхохотались, собака радостно тявкнула, а с крыльца раздалось громогласное папенькино:

— Peter Karl!³ Wir verspaeten uns!⁴

¹ То есть вы не хозяин этого дома, а только гость? Мне папа говорил, что наш сосед — месье Фаберже. Это же не русская фамилия! (*фр.*)

² Говорите медленнее, пожалуйста. У меня давно не было возможности слышать французскую речь (*фр.*).

³ Знаменитого ювелира, крещенного, согласно традициям семьи, как протестанта, звали Петер Карл Фаберже. Однако впоследствии он, на русский манер, представлялся Карлом Густавовичем

⁴ Петер Карл! Мы опаздываем! (*нем.*)

Карл торопливо попрощался с соседкой и заспешил к дому. Папенька строг. Только попробуй его ослушаться — разворчит. К тому же они действительно могут опоздать. Паром через Эльбу ходит не часто, жди его потом.

«Здесьний климат на пользу папенькиному здоровью, — подумал Карл, удовлетворенно глядя на посвежевшее лицо отца со щегольскими усиками и небольшой бородкой. — Вот как громко на меня кричит. И не кашляет, вовсе не кашляет. Чахотка пошла на убыль. Но, конечно же, болезнь никогда не позволит ему вернуться в Петербург. А это значит...»

Он помрачнел. Отец не намерен больше заниматься делами мастерской. Пока всем ведают управляющие. Но так не может продолжаться вечно. Брат Агафон еще младше его. Значит, именно ему, Карлу, доведется продолжать папенькино дело. Придется с утра до ночи сидеть за верстаком, изготавливая глупые золотые броши и перстни с большими рубинами, хищно сверкающие алмазные колье, тяжелые серебряные портсигары. Работа тяжелая. Работа скучная. Куда интереснее поехать хотя бы на этюды, попытаться поймать на холст лучи утреннего солнца, пробуждающего желтые осенние березы. Или и вовсе сделаться офицером — об этом мечтают все мальчишки в гимназии Святой Анны. Но разве у него есть выбор?

Когда Карл вслед за быстро шагающим папенькой добрался до набережной, грустные мысли исчезли. В конце концов, ювелирная мастерская — весьма отдаленная перспектива, на ювелира предстоит выучиться. Это еще через сто лет будет! А именно теперь перед глазами лежит чудесный город. Совершенно непохожий на Санкт-Петербург. Но не менее прекрасный. Просто другой...

Ступив на паром, Карл облокотился на поручень, и, прищурившись, стал прикидывать, как нарисовать Дрезден.

Понадобится, конечно, палитра теплых красок. Красные черепичные крыши. Золотом выписаны флюгеры. Желтоватая Эльба, не серо-синяя, как Нева, а желтоватая. И вот эта стремительно приближающаяся теперь цепочка серых домов — она тоже другого оттенка, с легкой дымкой бежевого, теплого.

Дрездену легко быть теплым. Над ним высокий шатер синего неба. И солнце, как печка, протапливаемая хорошим слугой, пылает щедро, не ленится. Конец октября — а тепло, как летом, запросто еще можно выходить без пальто.

— Das Museum ist in einem Schloss untergebracht, wo auch heute Kurfürsten Sachsens wohnen. Stelle Dir vor, welches Aufsehen dessen Eröffnung Anfang Achtzehnter Jahrhundert hervorgerufen hat!¹ — донесся до Карла голос папеньки.

Юноша восторгнулся:

— Ja-ja, das ist wirklich bewunderswert!²

Когда извозчик доставил их к большому песочному особняку с узкими окнами, Карл решил, что папенька неправильно назвал адрес.

Замок? Тот самый «Grüenes Gewoelbe»³. Здесь живут курфюрсты? В этом скромном с архитектурной точки зрения здании? Да быть такого не может!

Папенька дернул Карла, застывшего, как извая-

¹ Музей находится в замке, где и сегодня живут саксонские курфюрсты. Представляешь, какой фурор произвело его открытие в начале XVIII века! (нем.)

² Да-да, это удивительно! (нем.)

³ «Зеленые своды» (нем.).

ние, за рукав сюртука. И, поправив черную шляпу, бодрым шагом направился к фасаду.

Значит, и правда замок. Точно музей. Вот и служитель. Отец приветствует его, словно старого знакомого, покупает билеты.

«Grüenes Gewoelbe». Но своды, судя по названию замка, прежде бывшие зелеными, теперь окрашены в белый, украшены тонкой лепниной. Причем какие это своды! Потолки плавно стекают в многочисленные отделанные зеркалами колонны. И поэтому зал кажется огромным причудливым атласным дамским платьем, которым играет шаловливый ветер.

Неимоверно волнуясь, Карл приблизился к стеклянной витрине у стены и не смог сдержать возглас восхищения.

— Дивные, дивные кубки горного хрусталя в золотых оправках! Папенька, они же восхитительны!

— Sprich deutsch!¹ — довольно улыбнулся отец, оправляя короткую бородку.

Папенька, кажется, пояснял, что это миланская работа, но Карл, задыхающийся от сияющей красоты, его почти не понимал.

Рядом с кубками из горного хрусталя находилась витрина с невероятными кубками в виде страусов, изготовленными из страусовых яиц, искусно оправленных в серебро.

Кубки из кокосовых орехов, из раковин моллюсков, из слоновой кости. Оправа — золото, золоченое серебро, просто серебро.

Но как это тонко, как искусно, завораживающе прекрасно!

Перемещаясь к витрине в центре зала, Карл мельком увидел свое отражение в зеркальной колонне и

¹ Говори по-немецки! (нем.)

покраснел. Высокий худощавый юноша, как всегда, выглядел чуть старше своих пятнадцати лет, но плакал, как младенец. Из больших круглых голубых глаз ручьями лились слезы! Слава богу, что папенька, отвернувшись к витрине со шкатулками, не видел этого позора: в зеркальной колонне отражалась его спина...

«Перейду в другой зал», — подумал Карл. И, клятвенно обещая себе посмотреть потом искусно инкрустированные изумрудами каминные часы и золотые кофейные сервизы, на цыпочках проследовал к двери.

Важный смотритель снисходительно ему улыбнулся. Карл отвернулся, достал платок, собираясь утереть глаза, и замер.

За витриной, у которой он оказался, находился совершенно непримечательный маленький предмет. Круглый темный камушек, которых полным-полно на любой улице. Ну, может, очень правильной формы, совершенно круглый. И сбоку к стеклу витрины крепилась обычная лупа, только без ручки.

Заинтригованный, Карл в нее заглянул, и...

«Это не камушек. Это, похоже, вишневая косточка. Это, это, это...»

Его мысли путались. С вишневой косточки прямо Карлу в лицо взидала толпа людей.

«Десять... тридцать пять... сто... сто восемьдесят», — педантично считал он, а потом, уже почти закончив, сбился.

Да и как не сбиться под пристальными взглядами такого множества лиц. Лиц разных, примечательно разных! Мужских и женских. Детских и старческих. Веселых, грустных, искаженных злобой, светящихся от радости.

Они все смотрели на Карла.

Вырезанные — господа, да как такое возможно?! — на крошечной вишневой косточке!

«Любой материал — лишь оправда для истинного мастерства», — подумал Карл, почему-то проваливаясь в мягкую теплую ночь.

Сначала в ней царилa полная темнота, густая и чернильная.

Внезапно серебристое свечение ввинтилось в нее плотным коконом.

Ввинтилось, завертелось. Стало таять, делаясь полупрозрачным.

Невидимый фокусник вдруг как одернул легкую ткань.

И великолепный цветок ландыша в прозрачном стакане засиял настолько ярко, что темнота исчезла.

Цветок прекрасен и свеж! От жемчужных, окаймленных осколками алмазов цветков, кажется, исходит нежный прохладный аромат. Золотой стебель и нефритовые листья выглядят настолько естественно, будто ландыш сорван в лесу. Но прекраснее всего стакан из горного хрусталя. Ведь в нем видна даже полоска воды, в которую погружен ландыш.

Вода, вода...

Дивное видение исчезло.

Карл вдруг осознал, что лежит на полу, папенька брызгает на него водой, затекшей уже и за ворот сорочки.

— Я буду ювелиром, папа, — пробормотал Карл, осторожно приподнимаясь и оправляя задернувшийся сюртук.

— Конечно, мы же об этом давно договорились, — облегченно выдохнул отец, протягивая руку. А потом хитро подмигнул: — Aber wir werden zur Zeit miteinander nur deutsch sprechen!¹

¹ Но говорить мы с тобой будем пока только по-немецки! (нем.)

* * *

Мне повезло унести на память
Запах любви на своих губах.

«Поскорее дотянуться до магнитолы. Выключить эту песню, скорее. Слишком болезненные воспоминания с ней связаны».

«Попытаться пробиться к бордюру, включить аварийку. Слушать-слушать-слушать. В его голосе прошлое и будущее. Мое, наше и уже навсегда соединенное».

Нога журналистки и писательницы Лики Вронской резво перескакивала с педали тормоза на педаль газа. Рука потянулась к выключателю магнитолы, потом вдруг щелкнула по поворотнику. И внезапно прервала музыку, но сразу же салон вновь наполнился песней.

В конце концов Ликино тело, сбитое с толку совершенно противоположными заданиями, аккуратно остановило голубой «Форд» на обочине.

Тело глупое.

Голос льется из динамиков, а парня у микрофона больше нет, и никогда не будет. Но телу все равно, оно горит в пламени воспоминаний.

Бежать,
Не открывая глаз,
Не разбирая фраз,
Медленно умирая,
Знаю...

«Он знал, он предчувствовал, — ужаснулась Вронская, прижимая к пылающим щекам ледяные ладони. — Он появился в моей жизни, чтобы спасти меня. Он умер, чтобы я жила».

...В этом городе концентрация безумия давно раз-

мыла рамки логики и здравого смысла. В нем так легко замерзнуть от одиночества. Чужие губы почему-то становятся просто глотком жизни. Очагом. Пройдешь мимо — околеченешь. Ни равнодушный Медный всадник, ни свинцовая закупоренная в гранит набережных Нева не будут испытывать жалости и сочувствия. Привыкли. И не такое видели.

Но, кроме промозглого питерского ветра, было множество других причин согреться в объятиях Влада Резникова. Эффектная внешность, отличная фигура. А с каким вкусом он одевался! Музыкант выбирал свои джинсы и свитера тщательнее, чем некоторые девчонки, и получал от этого удовольствие. Он обладал чувством юмора, хулиганской улыбкой и... Еще в его синих глазах плескались теплые волны, отчаянно пытавшиеся догнать солнечные лучики. В них безумно хотелось искупаться. Но Лика всегда старалась удрать.

Ну что это такое? Приехала в Питер для пиар-мероприятий по продвижению нового романа, а вместо этого отвлеклась на личную жизнь. Просто неуважение к бренд-менеджеру Ирине, которая с ног сбилась, устраивая презентации и интервью. К тому же это было подло, потому что у Влада имелась девушка. И — самое главное — это казалось абсолютно бесполезной тратой времени. Ведь Влад слыл тем еще Казановой. И не стоило пополнять длинный список наивных барышень, свято веривших, что любой Казанова мечется по жизни лишь в поисках своей единственной и неповторимой. И только найдет — сразу угомонится и начнет вести себя прилично. Как же, как же! Таких парней привлекает сам процесс. Не качество, а количество. Воспитанию они не поддаются. Их надо просто обходить стороной. И чем быстрее, тем лучше.

Вроде бы рассудок Лики честно пытался притормозить развитие ненужных отношений. А когда обжигающее мускулистое тело Влада все же было перцеловано целиком и полностью, Лика обвинила в этом холодный Питер. Или свои тридцать лет. А вдруг у нее настал тот самый кризис среднего возраста? Желание если не поймать иссякающую молодость, то хотя бы ее вспомнить? Те безумные студенческие ночи, приносившие с рассветом страх и недоумение, потому что даже если примерно предполагалось, кто сопит на соседней подушке, то почему именно он и как все это случилось, осознать было невозможно.

Не Питер.

Не старость.

Инстинкт самосохранения, как оказалось.

Если разум подсказывает одно, а сердце другое, то чаще всего полезно прислушиваться к сердцу. Подсознание умнее логики. Рассудок анализирует имеющуюся информацию, подсознание видит и будущее.

Но лучше бы не было этого пронизательного сильного подсознания. Жизнь, за которую заплачено жизнью другого человека, превращается в ад...

После смерти Влада¹ первой реакцией Лики был шок. Сменившийся короткой вспышкой радости.

Родители, издательство, шум машин и даже воносящий бензином воздух — все это так важно, ценно, прекрасно. Оно останется, не исчезнет. Порог смерти не перейден. Какое счастье!

Но это состояние длилось лишь мгновение. Потом пришел стыд. У Влада больше ничего не будет. Никогда.

В этом «никогда» мучительное бессилие. Одна секунда, жест, фраза — и катастрофы бы не произошло.

¹ См. книгу О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

Но ничего не исправить. Красивый, молодой. Гроб, стук земли по крышке. Холмик, крест с именем. Все.

Время — плохой доктор. Чем больше его проходило, тем хуже становилось Лике.

Надо выслать в издательство синопсис нового романа. Надо подготовить статьи для газеты. Надо... хотя бы отвечать на телефонные звонки. Ходить в магазин за продуктами. Гулять с собакой, не только выводить ее после долгого воя на газон возле дома, а гулять по часу.

Но сил делать хоть что-нибудь у Лики не было. Утро стало как-то очень быстро превращаться в ночь. А ночь еще быстрее становилась утром. И это казалось особенно мучительным, обещало очередной выстуженный болью и отсутствием смысла день.

Все чаще тошнота мучительно сдавливала желудок или вовсе выворачивала его наизнанку. «Все-таки мой организм отвык от никотина», — думала Лика, не курившая больше трех лет. И дымила. А какое здоровье? Зачем? Бессмысленно продлевать мучительное существование...

Переполошившаяся из-за астрономического числа неотвеченных вызовов подруга Маня все поняла еще на пороге Ликиной квартиры.

Пару секунд она вглядывалась в лицо Вронской, а потом пробормотала:

— Лика, а ты, кажется, беременна. Ты себя в зеркале видела?

Отражение оказалось бледно-зеленым, но...

«А Маня права, — с удивлением подумала Лика. — Черты стали какими-то другими. А грудь как увеличилась! Да еще и тошнит. Надо вспомнить, когда были месячные».

— После своей беременности я женщин в положении узнаю мгновенно. Даже не знаю, как это описать. Во взгляде что-то особенное появляется. Лик,

пошли к врачу, что ли! — воскликнула Маня. — А ребенок... Влад?

Ли́ка молча кивнула.

В темной комнате жизни сразу вспыхнул яркий свет.

Только бы все подтвердилось! Это же будет значить, что Влад вернется, продолжится, снова станет жить...

...Каждое слово хранится в памяти.
Может, случайность, а может, знак.
Пальцы выводят имя на скатерти
И недосказанность прячут в кулак.
Боль не уходит, ломаю спички,
Скорость падает до нуля.
Сотни людей, а мне безразлично.
Еще один день прошел без тебя¹.

— Это была песня лидера хит-парада нашей радиостанции Влада Резникова, — бодро залопотала ведущая. И Ли́ка сразу же выключила магнито́лу.

Бедный Влад... Его песни пользовались популярностью, но такого ошеломляющего успеха он уже не застал. Смерть часто озаряет творческих людей славой и признанием. Ну и зачем они тем, кто уже лежит на кладбище?

— Так, хватит рефлексировать, — пробормотала Ли́ка, поглаживая еще совершенно плоский живот. — Мне нельзя волноваться. И вообще, я, кажется, прилично опаздываю. Шумные корпоративные вечеринки — не лучшее место для будущих мам, но что делать. Редакционную новогоднюю тусовку пережила, пара часов мучений — и корпоратив в издательстве тоже пройдет. Вообще, как-то рано в этом году все организуют, начало декабря — а приглашений уже ку-ча. Что ж, раньше сядем — раньше выйдем.

¹ Автор текста — Владимир Кубышкин.

* * *

Уже в гардеробе филармонии Моцарт затосковал. На нем отличный темный костюм и белоснежная рубашка, а ботинки сверкают так, что можно ослепнуть. Его прикид совершенно не отличается от шмоток хотя бы вон того мужика, помогающего снять шубку красивой дамочке с копной непослушных русых кудряшек. Но все равно не избавиться от ощущения, что все разглядывают его в упор.

Разглядывают.

Естественно.

Блатную жизнь и пятнадцать лет на зоне с лица не сотрешь. Все это впечаталось в изрезанный морщинами низкий лоб. Щедро присыпало солью седины черные волосы. Зажгло в глазах вечный огонек настороженности. И вот с таким-то рылом — как говорится, в калашный ряд. Но ради стремительного полета симфонического оркестра можно смириться с компанией людей, напоминающих холеных зажавшихся домашних котов.

Сдав пальто, Моцарт быстро впитал в себя вихрь запахов духов, и звенящие обрывки разговоров, и едва слышные всхлипы скрипки. Тело осталось скованным и напряженным, но сигнала об опасности не послало.

До начала концерта было больше сорока минут. Моцарт поморщился, невольно вспомнив расплотившиеся на проспектах и улицах выводки машин, заставляющие выбираться из дома за полдня до нужного времени. И направился по стрелочке с надписью «Буфет».

Пятьдесят граммов коньяка быстро реанимировали напряженный организм. Моцарт сделал глубокий вдох и с любопытством уставился в программку. «Ave verum corpus», «Kyrie in D minor» и еще пара произведений поминальной музыки. И только потом Requiem. Очень правильно. Другой порядок был бы странным. После

«Requiem» любая музыка даже самого гениального композитора Вольфганга Амадея Моцарта уже не нужна.

— В-вы позволите?

Моцарт изумленно вытаращился на стоявшего перед ним... Цыпленка. Девушка в сером пиджачке и длинной черной юбке выглядела хрупкой и испуганной. Тоненький острый носик придавал ей отдаленное сходство с птичкой. Чашка чаю, блюдечко с пирожным, соскользнувшая на локоток-крылышко сумочка. Бедняжке больше негде примоститься, все жердочки, то есть столики, заняты.

Моцарт, поражаясь собственному умилению, молча кивнул. Белокурый Цыпленок выглядит крошечной и изящной, как статуэтка. Еще расколется, в натуре, от прокуренного сиплого голоса.

— Спасибо, — чирикнула девушка, присаживаясь на краешек стула.

«Музыкантша? Училка? — прикидывал Моцарт, невольно любуясь неправильным, но добрым и свеженьким личиком. — Наверное, она не замужем, живет с мамой. И по вечерам играет ей «Лунную сонату». Милая, робкая, мухи не обидит».

Милая, робкая.

Она его уничтожила мгновенно.

Промокнув бледные, не покрашенные, что ли, губы салфеткой, вдруг выстрелила прямо в сердце:

— Из «Requiem» мне больше всего нравится «Confutatis»¹. Все поражаются эмоциональности «Lacrimosa»², но я думаю...

¹Часть секвенции «Реквиема», в которой картины адских мук сочетаются с мольбами о снисхождении.

²Часть секвенции «Реквиема» Моцарта, плач по восстающему из праха для последнего суда человеку. По мнению музыкальных критиков, это самая печальная мелодия из всего мирового наследия композиторов.

Что она думает — Моцарт уже не слышал. Во рту почувствовался соленый привкус крови, на горле — холодные пальцы смерти, в нашпигованной свинцом груди запылал пожар...

...Его бригада, волковская», «крышевала» Андрея Захарова правильно, по понятиям, с полным на то основанием.

Захаров шустрый, ловкий. Быстро просек ситуацию, сориентировался в перестроечном дефиците шмотья. Наладил поставки ткани, организовал цех в Подмосковье, нанял швей. И по адидасовским каталогам стал клепать свой «Адидас». В этих костюмах ходили тогда все, в том числе и братва. Захаровские точки на вещевом рынке быстро привлекли внимание волковских. На «стрелке» Захаров говорил, что уже платит процент подмосковным. Но ему четко все разъяснили. «Крыша» по месту размещения производства — одно, расчет на точке продажи — совсем другое. А подмосковных они перестреляли под каким-то предлогом. Там и разбираться было не с кем: не бригада, название, малолетняя шпана.

Захаров оказался не только шустрым, но и понятливым. В назначенный день пацаны привезли от него сумку с бабками, все чин чинарем.

Платил Андрей исправно, не зарывался. Не выпендривался, когда ему увеличивали размер дани. Надо полагать, просекал — коль дело спорится, доходы растут, то и на «крышу» надо отстегивать побольше. Тем более что прикрывали его честно — и от ментов, норовивших также получить процент с прибыли, и от братвы, рот на чужой каравай раззявившей.

Что его «кинет» именно Захаров, Волк и предположить не мог. И даже тогда, когда волковских стали выкашивать безо всяких объяснений, подозревал в подставе кого угодно, но не Андрея.

А этот козел оказался изобретательным. Объединил свой кооператив с кооперативом Виктора Паничева. Тот джинсы «варил» и тоже на вещевом рынке точки имел. Правда, не на том, что волковские контролировали. «Крышевали» Паничева пацаны Героина. Полные отморозки. Никаких предъяв, никаких «стрелок». Чуть что им не по нраву — волюну выхватывают и давай палить.

Волк бы в сторону отошел, если бы быстро просек ситуацию. По понятиям, конечно, надо было разборки клеить. Договариваться, кому соскочить, кому остаться и на каких условиях. Но даже «законники» советовали с Героином не связываться. Разбираться надо с теми, у кого мозги есть. А Герыч и его пацаны свои мозги давно наркотой спалили. С ними не разбировались, их периодически отстреливали. Только Гера, сукин сын, живучим оказался, ни пули шальные его не брали, ни наркотики поганые. Волк, без базара, отошел бы в сторону, и лица не потерял, и бригаду свою сохранил. Но упустил время, схоронил несколько своих людей. При таком раскладе выход оставался один — война с Герычем. Иначе по другим бригадам чуйка пойдет, что волковские варежкой щелкают. Велика Москва, а сладких мест все равно на всех не хватает. За вещевого рынок биться имеет смысл. В войне с несколькими бригадами выиграть сложнее, чем с одной, даже «отмороженной».

Волк планировал устроить Героину и его пацанам чисто конкретное честное мочилово, но тот его опередил. Собравшиеся в своем любимом кабаке волковские, «перетиравшие» житье-бытье, в том числе и планы по устранению Геры, даже сообразить ничего не успели. Свинец полился сразу, отовсюду. Палили из входа в отдельный зал, где гуляла бригада, из окон. Сразу поймавший пулю-дуру Волк, падая, все пытал-

ся вытащить из кобуры «стечкин», но немеющие пальцы не гнулись.

— Тихарись, Волк! Стол! Живо! — вдруг заорал его охранник Васек, разряжая в мелькнувшую в окне лопухую бритую башку половину обоймы.

Боковым зрением Волк успел увидеть, как, словно при замедленной съемке, через зал летит граната. И бросился под стол, рывком — откуда только силы взялись — оттолкнул от себя крышку, чтобы перевернулась тяжелая махина, хоть как-то защищая от осколков. Как звенели бутылки и тарелки, Волк уже не слышал. Все взорвалось, грохнуло, погасло...

Следующая мысль. Простая, но совершенно не пугающая.

«А я, пожалуй что, умер. Я умер, и бог отправил меня в рай».

Быть мертвым Волку очень понравилось. Смерть — это свет, сменяющийся легкой полутьной, это тепло, переходящее в прохладу. Смерть красива и совершенна. Ее бояться не надо, так как она открывает дорогу к чистому белому снегу, ждущему, принимающему и очищающему...

Он только успел осознать все это, как во рту заплескалась солено-горькая кровь, а боль запустила когти в грудь и резко выдернула свои лапы.

Собственный стон, вырвавшийся из окровавленного рта, показался Волку невыносимым, хуже скрипа ногтя по стеклу, отвратительнее визга плохо смазанной двери. Потому что он портил доносившуюся из глубины общего зала негромкую божественную музыку.

Слух и голос у Волка вроде бы имелись, пацаны слезу пускали, когда он на гитаре лабал «А помнишь, девочка, гуляли мы с тобой». Но это, конечно, так,

для баловства. Никогда он музыкой не интересовался, другие дела всегда были важнее и серьезнее.

Но в тот момент... Он все сразу быстро понял. Звучит какая-то классика. И она невероятна, божественна. Это она была тем светом и полутьней, теплом и прохладой. А теперь... ледяной водопад инструментов и голосов сплетается в последних страшных объятиях... не вырваться из них... или все же спасение возможно?

На лице стало непривычно тепло и мокро. Волк сначала испугался, а потом разозлился.

Ерунда какая-то!

Мало того, что плачет, как баба. Так еще и отвлекается, когда звучит такая музыка, кощунствует.

А потом он вдруг различил сквозь слезы дрожащий, неотвратно приближавшийся женский силуэт в белых длинных одеждах.

И закрыл глаза, чтобы не видеть надвигающуюся, безмолвную, ужасную в своей реальности смерть. Чтобы подольше побыть со смертью, прекрасной, звучащей.

В музыке слышалась надежда.

В приближавшихся шагах ее не было.

Его спас «Confutatis». То есть в тот момент Волк еще не знал, что это «Confutatis», это стало ясно позднее, когда он прочитал все, что нашел о Моцарте и «Requiem». Тогда просто отчаяние невероятного напряжения так ударило по остаткам и без того растерзанного тела, что Волк понял одно. Надо жить. И он будет жить! Чтобы узнать, что это такое звучит сейчас. Рай, ад, ток, вырванное обласканное сердце, замирающее дыхание, и слезы, и слезы.

Милиция и врачи приехали одновременно, под мелодию «Domine Jesu»¹.

¹ Часть оферториума «Реквиема» Моцарта.